

Личность в экстремальных условиях

Валерия Мухина

ПОЖИЗНЕННО ЗАКЛЮЧЕННЫЕ: МОТИВАЦИЯ К ЖИЗНИ*

Аннотация. Обсуждаются проблемы психических состояний людей, исповедующих позиции аморализма; последствия нравственно-отрицательных (аморальных) проявлений человека в сфере сознания и чувств. Показаны: истоки неврозов и эмоциональные их последствия у осужденных пожизненно; тюремные неврозы пожизненно осужденных; особая феноменология страхов пожизненно осужденных.

Ключевые слова: психические состояния; мораль, аморализм; нравственно-отрицательные проявления; неврозы; истоки неврозов; тюремные неврозы; феноменология страхов у пожизненно осужденных.

Annotation: in this article there is consideration of psychic states of the people with the position of amoralism; consequences of amoral displays in the awareness and feelings. There were found the sources of neuroses and its' consequences for people under life sentence; prison neuroses of people under life sentence; special phenomenology of fears of people under life sentence.

Keywords: psychic states; amoralism; amoral displays; sources of neuroses; prison neuroses; phenomenology of fears of people under life sentence.

---

* Продолжение. Начало: Развитие личности. 2002. № 3. С. 51–60; № 4. С. 100–114; № 1. С. 97–117; № 4. С. 121–143; 2004. № 1. С. 118–130; № 2. С. 128–145; № 3. С. 115–127. № 4. С. 97–106; 2005. № 1. С. 157–175; № 2. С. 137–142; № 3. С. 82–93; № 4. С. 100–114; 2006. № 1. С. 110–118; № 2. 141–146; № 3. С. 145–151; № 4. С. 89–101; 2007. № 1. С. 138–151; № 2. С. 194–198; № 3. С. 147–154. № 4. С. 106–120. 2008. № 1. С. 124–136; № 2. С. 138–151; № 3. С. 149–166; № 4. С. 53–68.

Психические состояния: мрак и ужас

...И вот напал на него ужас и мрак великий.

Быт. 15:12

Нельзя, чтоб страх повелевал уму;

Иначе мы отходим от свершений,

Как зверь, когда мерещиться ему.

Данте Алигьери.

Божественная комедия: Ад

Делай то,
что согласно
воле Бога

Великий моралист Иммануил Кант писал: «Есть что-то непосредственно отталкивающие в поступках, противоречащих воле того, от кого проистекает и наше существование, и всякое благо. Отвратительность эта ясна, если даже не обращать внимания на ущерб, который может в качестве следствия сопутствовать такому образу действия. Вот почему положение *делай то, что согласно воле Бога*, становится содержательным принципом морали и хотя формально и подчинено упомянутой высшей, и общей формуле*, но подчинено ей непосредственно» [1].

Проблема морали для И. Канта – одна из основополагающих в его философии. Мораль для И. Канта – и идея Бога, и опыт человечества, его объективная реальность, основа его целей, и принцип мотивации и поведения, и суть целостного человека. Он выделяет такую категорию как моральность, которая характеризует внутреннюю сущность человека.

Люди, живя в обществе, хорошо знают о существовании табу, законов, общепринятой морали.

Мораль в обыденном
сознании

Мораль, или нравственность, вырабатывается в истории человечества и отражается в сознании отдельного человека как нечто реально существующее. Мораль в обыденном сознании может пониматься как способ организации отношений между людьми, как форма социальной регуляции и контроля. Мораль устанавливается в истории отношений людей: внутри рода и во внеродовых отношениях.

Мораль в философии и психологии предстает в теоретических конструктах и в эмпирической типологии [2]. Теория моральных ценностей – *аксиология* – занимает ключевое место в системе философских концепций нравственного сознания.

---

* И. Кант писал о том, что «правило – делай совершеннейшее из возможного для тебя – есть первое *формальное основание* всякой обязанности *действовать*, равно как и положение – не делай того, что с твоей стороны было бы препятствием к возможно большему совершенству, – также есть формальное основание для обязанности *не делать*».

Моральное сознание имеет весьма сложную структуру, как в теоретических построениях, так и в практическом опыте каждого отдельного человека.

С точки зрения науки единство всей структуры нравственного сознания человека обеспечивается системностью его ценностных ориентаций [3]. Однако обычный человек не ведает постулатов науки. Он некоторым образом знает о моральных нормах, некоторыми способами набирается практики моральной самопрезентации и моральных требований от других.

Мораль
как ценность
и знак
к подчинению
социальным
ожиданиям

Мораль как *сущее* ориентирует человека на то, чтобы он знал нормы и закалял свою волю к *подчинению* социальным ожиданиям должностования и *соответствию* ему. Человек должен быть социализирован настолько, чтобы занимать место в пространстве социальных отношений, презентующем его как члена общества [4].

Начиная с истоков развития социальных отношений, в самосознание каждого отдельного человека вводились феноменологически значимые «надо», «можно», «нельзя». Эти ориентации шли на пользу сообщества и определенным образом сохраняли: интересы, позицию общественного человека и даже саму жизнь.

Так уж сложилось исторически, что в целом позитивной стороной стремления быть признанным в обществе, помимо других социальных ожиданий, провозглашаются нравственные ожидания. Именно нравственные ожидания формируют *нравственное чувство*, или *совесть*, которые резюмируются в житейских отношениях между людьми в значениях и смыслах все контролирующих слов «должен», «надо».

Значение
чувства долга

Чувство долга как высшее достижение духовной культуры человечества через притязания на признание становится достоянием *знания и эмоций* развивающейся личности.

Часть человек реально усваивает основные правила (заповедные, родовые) и прилагает усилия (или свободно) соотносит свои чувства и поступки с этими правилами. Для других правила, социальные нормативы выступают как повод для постоянного внутреннего выбора. Для иных правила и нормы осмысливаются как проблемные задачи, которые можно решать не моральным, а аморальным путем. Одним словом, можно указать на три следующие стратегии взаимодействия людей: 1 – стратегия следования; 2 – стратегия противостояния; 3 – стратегия произвольного манипулирования, или стратегия спекулятивной демагогии. Эти стратегии проявляются всегда в условиях социальных взаимодействий людей: как в усло-

виях, воспринимаемых как априорно стабильных, так и в условиях социальных катаклизмов. Однако замечено, что социальная нестабильность побуждает людей к стратегии противостояния либо стратегии произвольного манипулирования. Протестные формы, которые выбирает для себя каждый отдельный человек, зависят от многих внешних обстоятельств и от его внутренней позиции.

В науке существует множество концепций моральных ценностей и принципов [5].

Так, А.А. Хвостовым было выявлено многомерное факторное пространство, представляющее собой возможный слепок структуры массового морального сознания [6].

Автор выделил пятнадцать факторов. Я для иллюстрации перечислю лишь пять описанных исследователем факторов и прокомментирую с точки зрения своего видения.

Первый фактор – *ответственность перед окружающими за нравственное поведение*. Здесь на первый план выходит социальная ответственность. Достаточно очевидны два основных мотива этой ответственности: долг перед окружающими и долг перед собой. Первый мотив обусловлен притязаниями на признание со стороны других людей; второй мотив вырастает из потребности сохранения целостности своего внутреннего мира, сохранения своей идентичности. Но здесь же могут быть и другие мотивы, например, этика приспособления. Как бы то ни было, этот фактор конструируется из общественной жизни и социальных отношений.

Второй фактор – *самоидентичность нравственности*. Основной мотив этой позиции включает в себя нравственную и эстетическую оценку, при этом здесь же присовокупляется идея о том, что добро прекрасно. А.А. Хвостов вполне оправданно присоединяет сюда еще ряд возможных апелляций.

Третий фактор – *конформизм и выгода нравственности*. Как указывает А.А. Хвостов «скорее всего, выгода здесь является основным, ведущим мотивом, а конформизм – средством», но возможно, что названные мотивы могут быть относительно автономны.

Четвертый фактор – *моральная сущность*, или *имманентная природа морали* человека. По сути эта позиция соотносима с направлением натуралистических школ, которые выводят мораль из природы человека.

Вообще именно на материале обсуждения факторов можно отчетливо увидеть проекции нашего сущностно человеческих сознания, чувств и мотивов на возможные теоретические построения по поводу феноменологических свойств человека.

Пятый фактор – *зеркальность морали*. Здесь отражены: осознание принципа талиона («зуб за зуб, око за око»), а также категорический императив И. Канта (стремление стать образцом для подражания).

И так далее, и так далее.

Рефлексии
осужденного
на философию
аморализма

Осужденный Иван Б. внимательно изучал книгу А.А. Хвостова «Структура и детерминанты морального сознания». На него неизгладимое впечатление произвел раздел «Аморализм». Иван дал оценку: «Сильная вещь. Самое удивительное и страшное, что аморализм подменяет собой мораль. Аморализм – это отчуждение от других. Отчужденность и аморализм происходят с малых лет. Побудительные причины – страх. Страх осуждения, непризнания, опасности...»

Заинтересованному человеку в познании пятнадцатифакторной (или какой-либо иной по численности) структуры обыденного морального сознания могут быть интересны перечень и обоснование всего множества этих факторов. Я лишь хочу указать на то обстоятельство, что в реальной практике мотивации и поведенческих реакций людей вариаций ценностных ориентаций на мораль куда больше, чем нам может предложить любая теория или добросовестный результат эмпирических обобщений. Это происходит оттого, что наука стремится выявить типологию явления, а то, что выходит за рамки выявляемой типологии, как бы ускользает из поля научного обозрения. Научные обобщения дают нам опоры для понимания изучаемых феноменов, но теряют множество вариаций, ускользающих за пределы типического.

Но так как я здесь пишу о людях, осужденных на смертную казнь – пожизненно осужденных, то мотивы их преступлений негоже рассматривать с позиций морального сознания и многомерных факторов массового морального сознания.

Аморализм
циничен,
асоциален
и прагматичен

Преступления, совершенные людьми, убивавшими других в корыстных целях, находятся за пределами моральной нормы. Здесь были или мощные силы аффекта, или позиции, противоположные морали.

Речь должна идти об *аморализме*, о нравственноотрицательных проявлениях человека, которые приводят сознание и чувства к краху, лишая ступившего на путь попиранья законов морали ощущения полноты жизни.

Аморализм в философии разнообразен: он предполагает на одно высказывание в пользу морального поведения несколько обоснований против. Аморализм в мотивации отдельного человека *циничен, асоциален и прагматичен*.

Мотивы
аморальных
поступков

Психология аморализма в вербальном ее выражении прямолинейна и эгоцентрична. Можно выделить следующие мотивы обоснования, объяснения аморальных поступков, преступлений, убийств:

1 – *Исключение жертвы из общей категории – экскатегоризирование.* Основной слоган: «Моя жертва – не человек», «Это были мразь, отбросы» (анalogии можно найти в исследовании П.Н. Шихирева [7]).

2 – *Включение себя в категорию тех, кто обладает правом, силой воли и смелостью,* тех, «кто может себе это позволить», и др. Основной слоган: «Я должен был доказать себе, что я могу это сделать!», «Я сделал это!»

3 – *Возложение вины на саму жертву.* Основной слоган: «Он сам напросился!» «Он сам спровоцировал».

Моральные ценностные ориентации существуют в человеческих отношениях на равных с ценностными ориентациями на аморализм. Эта нравственно-безнравственная амбивалентность поразительным образом существует как в истории самих социальных отношений человеческих сообществ, так и в индивидуальной истории каждого отдельного человека.

Аморализм процветает оттого, что отклонение от норм морали в сочетании с бытующей апелляцией к другим «все так поступают» неизменно приводит к тому, что такие отклонения носят системный характер.

Типологию так называемых «отклонений» изучают многие социологи и психологи. Показано, что социальные нормы скрыто нарушаются повсеместно в широких масштабах. Это происходит если не с одобрения общества, то с его молчаливого согласия или безразличия. Поражение и возмущение начинают возрастать, когда дело доходит до гласности (Не пойман – не вор!). Аморальные мотивы и формы поведения описываются, типологизируются [8], но само морально-аморальное сознание трудно поддается изучению в такой мере, чтобы изменить к лучшему позицию человека к социально заявленным нормам.

Пойманный и осужденный преступник для себя апеллирует к тому, что «все так делают». Из-за неистребимого присутствия в человеческой культуре аморализма многие преступники встают на позицию психологической защиты себя как жертвы обстоятельств: «Я попался!», «Я влип!» – нередко доминирует над раскаянием – «Что я натворил!», «Прости меня, Боже!»

Моральный выбор – сложная психологически затратная для человека проблема. Но когда выбор сделан в пользу аморализма и человек совершает поступок,

Само морально-аморальное сознание трудно поддается изменению

Моральный выбор – психологически затратная проблема

сразу же сознание начинает работать в направлении защиты и самооправдания.

Однако преступник реально хорошо знает, что он преступил норму.

Навязчивые
состояния
и неврозы

Несоответствие социальным ожиданиям всегда бережит душевную сферу человека: преступивших социальные табу из-за сложных внутренних борений по поводу преступления начинают преследовать *навязчивые состояния*. Они нередко сами говорят о своей *одержимости* злым духом, сатаной и т.д.

В психиатрии выделяют особые заболевания с нерезко выраженными нарушениями психической деятельности – *неврозы*. Невротический срыв возможен у любого человека, однако его характер тесно связан как с ситуацией, в рамках которой формируется невроз, так и с индивидуальным предрасположением и особенностями самой личности.

Типы
«с суженными
пределами жизни»

Типы, склонные к зависимости от условий, И.П. Павлов назвал *типы «с суженными пределами жизни»* [9]. У категории лиц, совершивших тяжкие преступления, избалованных обществом и отбывающих серьезные наказания, неврозы, весьма обычные явления. Пребывающие в камерах по внешнему факту и по внутренней психологической позиции, безусловно, с суженными пределами жизни по обоим факторам, структурирующим самочувствие и самосознание осужденного.

В основе невроза лежит патологическое состояние нервной деятельности, срыв высшей нервной системы [10]. Невроз возникает психогенно с доминированием в клинической картине соматовегетативных, эмоциональных расстройств. Невротик отличается истощаемостью, утомляемостью, раздражительной слабостью и замедленным восстановлением сил. Невротик всегда психоастеник, но может быть истерический невроз и невроз навязчивых состояний.

У неврозов всегда
есть истоки

Неврозы возникают после психической травмы, то есть всегда можно доискаться до начала. Для каждого из совершивших злодеяние невроз – возможная реакция на конфликт между содеянным и возможной расплатой за преступление. В то же время новая ударная волна невротических состояний возможна в случае, когда преступник пойман, избалован и осужден. Нередко, испытав чувство облегчения, когда его осудили, преступивший нормы социальных требований переключается на новые обстоятельства, которые побуждают его к новой волне невротических состояний

из-за социальной стигматизации – его относят к категории «преступник», из-за изоляции в зоне, тюрьме, камере, из-за сожаления о том, что «попался», из-за стыда перед своими близкими и перед родными жертвы, наконец, из-за раскаяния в преступлении. Стрессогенные обстоятельства, создаваемые самими преступниками, суммируются и становятся условиями развития неврозов.

Феномен
суммации
раздражителей

В свое время И.П. Павлов писал о *суммации раздражений*. Он исследовал экспериментально рефлексы как краеугольный фактор деятельности нервной системы. Он показал, что «энергия, родившаяся в определенном нервном пункте, распространяется дальше по нервной ткани, пока эта нервная ткань непрерывна» [11]. Было показано, что общей особенностью центральной нервной системы является феномен суммации раздражений: в нервной системе сохраняется остаток от предшествующих раздражений, и когда присоединяются новые раздражения, вызывается эффект суммации [12].

Эффект суммации раздражений, наблюдаемый физиологом на лягушках, реально присущ и высшим животным. В частности – человеку.

Эффект суммации
в условиях строгой
изоляции

В условиях строгой изоляции находящиеся там преступники получают дополнительные стрессы, которые дают *эффект суммации*. На этом фоне легко развиваются неврозы.

Идея углубления неврозов разрабатывалась многими специалистами. Так, К. Ясперс анализировал подходы к пониманию неврозов Й.Г. Шульца и сам выстраивал свои модели иерархии неврозов. Он указывал: на трудности разграничения нюансов происхождения и протекания неврозов, на противодействия, которое они оказывают терапевтическим усилиям [13].

Классификация
неврозов
по И.Г. Шульцу

И.Г. Шульц дал свою классификацию неврозов. Он различал:

1 – *отдельные неврозы*, проявляющиеся более или менее изолированно и сохраняющиеся в течение долгого времени;

2 – *невротические личности*.

Обе классификации – весьма упрощенные схемы.

И.Г. Шульц классифицировал неврозы согласно тому, насколько глубоко они укоренены в личности. Он различал:

1 – *экзогенные неврозы*; 2 – *психогенные неврозы*; 3 – *психогенные структурные неврозы*; 4 – *ядерные неврозы*. Классификация неврозов соотносилась с тем, насколько они глубоко укоренились в личности.

Экзогенные неврозы обусловлены внешними условиями.

Психогенные неврозы (пограничные, маргинальные неврозы) обусловлены соматическими конфликтами.

Психогенные структурные неврозы возникают вследствие внутренних душевных конфликтов.

Ядерные неврозы укоренены в самой личности, в ее «аутопсихических» конфликтах.

Согласно представлениям И.Г. Шульца, экзогенные неврозы излечимы благодаря изменениям, вносимым в социальное окружение; психогенные, маргинальные неврозы излечимы благодаря внушению, упражнениям, аутогенной тренировке; структурные неврозы требуют психического «катарсиса» и убеждения; ядерные неврозы, укорененные в глубинах личности, требуют «глубинной психологии».

И.Г. Шульц полагал, что диагностика, основанная на подобного рода идеях, представляется достаточно сомнительной. Однако сама идея проливает определенный свет на существо проблемы неврозов: они нарастают в глубинах личности.

В свою очередь К. Ясперс указывал на то, что не существует единой, унифицирующей и всеобъемлющей точки зрения, исходя из которой можно было бы навести порядок во всех классификациях [14]. При этом К. Ясперс различал неврозы как нарушение нормальной диалектики психической жизни [15], как типичную болезнь современности [16], как обусловленные несчастными случаями [17] и многие другие. Все заявляемые по происхождению и протеканию неврозы имеют весьма распространенные описания и толкования.

Однако моя цель обращения к столь маститым авторитетам состоит в том, чтобы подтвердить наличие презентуемых в науке неврозов у преступников, осужденных к пожизненному заключению – людей, попавших в экстремальные ситуации внешних, социальных условий, в экстремальные ситуации психогенных переживаний и фиксаций, вплоть до укоренения неврозов в самой личности.

По факту совершенного преступления, по факту пребывания в узах, по факту пожизненного осуждения даже самые физически и психически здоровые прежде люди обретают разного вида и уровня неврозы. Эти неврозы обусловлены всем сложным комплексом составляющих истоков. Их специфика состоит в том, что это неврозы всего комплекса составляющих – это особые неврозы, которые требуют своего наименования.

К. Ясперс
о трудностях
классификации
неврозов

По факту
совершенного
преступления люди
обретают неврозы

Тюремные
неврозы
пожизненно
осужденных

Классификация
навязчивых
побуждений

Я полагаю, что психологически верно будет выделить эти особые неврозы в группу: *тюремные неврозы пожизненно осужденных*.

Тюремные неврозы сопровождаются *специфически-навязчивыми состояниями*.

Осужденные пожизненно подпадают в зависимость от неких типичных образов, побуждений, мыслей, воспоминаний, влечений, страхов.

Навязчивые образы – непроизвольные, назойливо возникающие, возвращающиеся и преследующие осужденного картины одних и тех же ситуаций, когда-то бывших в их жизни. В моих архивах хранятся многочисленные записи образов-видений, образов аутических состояний людей, которые находятся в экстремальных условиях камерного содержания, осужденных на пожизненное заключение. Навязчивые образы уводят человека от реальной действительности в иное измерение.

Навязчивые побуждения – эмоционально окрашенные стремления к совершению определенных действий (обычно не имеющих смысла движений и действий), к свершению определенных замыслов (обычно они тяготеют над сознанием, как некая обыденная и космическая, экзистенциальная идея, которую совершенно необходимо осуществить).

Навязчивые мысли – эмоционально окрашенные проблемные ситуации, которые человек пытается решить во что бы то ни стало, но реально в заданных условиях эти проблемы не разрешимы.

Навязчивые воспоминания – непреодолимо возникающие образы, хранящиеся в памяти, чаще всего эти образы прежней жизни до попадания в узы.

Навязчивые влечения (компульсия) – стремление вопреки разуму, воле и чувствам совершать какое-либо бессмысленное, часто опасное действие.

Навязчивые тревога и страхи – интенсивная непреодолимая боязнь, охватывающая человека, несмотря на понимание объективной ее бессмысленности.

Приведенная классификация навязчивых побуждений и состояний весьма условна: названные и другие возможные состояния обратимы по отношению друг к другу и подчас легко перетекают одно в другое. Однако навязчивые тревоги и страхи имеют особое звучание в поле сознания человека.

И.М. Сеченов писал о страхе, соединенном с мышечным чувством: «Все без исключения инстинктивные движения в животном теле направлены лишь к одной цели – сохранению целостности неделимого... Сохране-

О страхе,
соединенном
с мышечными
чувствами

ние же этой целостности вполне обеспечено, если неделимое избегает вредных внешних влияний и имеет приятные, то есть полезные. Страх помогает ему в первом, наслаждение заставляет искать второго» [18].

И.М. Сеченов указывал на существование инстинктивного чувства самосохранения у человека, на существование темных мышечных чувств, которые контролируют движения и сигнализируют о нарушениях движений переживанием возникающего страха [19]. Страх возникает, когда нарушается мышечное узнавание адекватности движения. Узнавание обеспечивается контролирующим глазом или привычными ощущениями мышц ног и всего тела.

Непривычное
пространственное
бытие тела –
источник страха

В условиях заточения в малое пространство камеры, в условиях передвижения с заведенными за спину руками и наклоненной вниз головой (что вполне объяснимо: пожизненно осужденные были опасными для окружающих преступниками) *нормальная способность* ощущать сложившиеся в жизни способы движения и сигналы от мышечных чувств нарушается, сильно притупляется. Если И.М. Сеченов описывал притупление нормальных способностей ощущать мышечные чувства при состоянии опьянения, сна и др., то я хочу обратить внимание моего Уважаемого Читателя на то, что, помещенный в нетипичные условия телесного существования, человек начнет испытывать на бессознательном уровне, на уровне сигналов тревоги от мышц всего тела чувство неосознаваемого беспокойства и страха. Невольные движения, совершаемые в состоянии измененных способов передвижения и поз, безусловно, сопутствуются переживанием страха. И этот страх от телесной несостоятельности, как наваждение, будет преследовать или фонить всегда, доколе человек будет вынужден находиться в ситуациях досмотра и др., в нестандартных позах и нестандартных способах передвижения*.

Инстинктивное
чувство
самосохранения
заложено во всех
органах чувств

Инстинктивное чувство самосохранения заложено не только в мышечных чувствах, но во всех органах чувств, во всех психических функциях и в сфере ценностных ориентаций.

Если тело может подавать сигналы эмоций страха, то сам страх вызывает дрожь тела, а иногда и крик. В.М. Бехтерев указывал на то, что «при этом наступает

---

* Я хорошо понимаю установленные правила, связанные с досмотром и перемещением осужденных: обязательно должны быть исключены возможные противоправные действия. Но я здесь обсуждаю феномен возникающих страхов.

побледнение лица, изменение мимики с расширением глаз, задержка дыхания, усиленное сердцебиение и плач. В области движения «страх» может вызвать и стремление к бегству и паралич движения» [20]. При этом В.М. Бехтерев показывал, что происходят изменения в сосудах (сужения прежде всего), изменения дыхания и сердцебиения. На эти же изменения указывал еще И.А. Сикорский при «печали», «тоске», «страхе» [21].

Особая феноменология страхов пожизненно осужденных: страхи от мышечных чувств

Страхи от темных мышечных чувств, страхи от навязчивых образов, мыслей, воспоминаний, страхи перед лицом смерти *имеют свою особенную феноменологию в сознании осужденных пожизненно*. Страх бросает в мрак сознания. Пожизненно осужденные рассказывают о холодном, ужасном мраке, который подступает ближе и ближе к себе телесному. Страх проникает к самому мозгу и сердцу. Страх так ужасен, что вот-вот умрешь.

Кошмарные сны

Один из осужденных описал сон сокамерника, который, устав от повторяющегося наваждения, стал делиться преследующими его переживаниями. Этот пересказ подарил мне осужденный, попросив называть его Иваном Андрияновым. Я означила эту реальную историю «Вавилон к Крестам». Потому что Вавилон был олицетворением могущества, силы, противной Богу. Вавил – башня, предохраняющий символ человеческой гордыни, а также потому что место драматического действия – тюрьма Кресты Санкт-Петербурга. Я постаралась сохранить напор автора и эмоциональную стилистку. При этом я приложила голову, сердце и руку к логике движения сюжета.

Полагаю, что Ивану Андриянову удалось главное – показать воочию тюремный невроз, навязчивые образы и страхи – непереносимо интенсивные переживания тела и всех психических чувств.

История, рассказанная жертвой своего страха и пересказанная сокамерником, представляет собой подлинную правду о мраке и ужасе переживаемого животного страха – этого сложного порождения составляющих состояния и сферы чувств многих и многих осужденных пожизненно.

Страх в жизни человека

Осужденный Иван Б., анализируя свои доминирующие чувства, говорил, что он – воплощение страха и злости: «Страх в моей жизни очень важен. Страх сковывает, ограничивает. Я не стану на рельсы перед мчащимся поездом, я не стану на край крыши. Но я встану на край рампы и прыгну с парашютом. Я хорошо обдумаю свои действия, когда приму серьезные решения... Я спо-

Человек оставляет
упование,
когда страх
повелевает умом

собен преодолевать страх. Но страх присутствует во мне. Страх и злость во мне очень выражены.

Я – воплощение злости. Злость и отчужденность были присущи мне с самого детства...»

Когда страх, ужас и злость повелевают умом, человек оставляет упование. Он катится в бездну мрака, сжимаясь до точки в пространстве мироздания, и панически боится своего полного исчезновения...

Когда некуда деваться от страха, ужаса и чувства безысходности, человек пребывает во мраке своего сознания и во мраке своих чувств.

1. Кант И. Исследование отчетливости принципов естественной теологии и морали. 1964. // Собр. соч. в 8 т. Т. 2. – М., 1994. – С. 190.

2. Титаренко А.Н. Специфика и структура морали; проблемы структуры нравственного сознания // Мораль и этическая теория. – М., 1974; Апресян Р.Г. Добро и польза // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения. – М., 1992; Гусейнов А.А. Великие моралисты. – М., 1995; Хвостов А.А. Структура и детерминанты морального сознания. – М., 2004.

3. Титаренко А.Н. Там же. – С. 44.

4. Мухина В.С. Личность: Мифы и Реальность. – Екатеринбург, 2007. – С. 716.

5. Хвостов А.А. Структура и детерминанты морального сознания. – М., 2004. – С. 17–103.

6. Там же. – С. 28–31.

7. Шихирев П.Н. Психика и мораль в конфликте (О воспитательной силе зла) // Общественные науки и современность. – 1992. – № 3. – С. 27–37.

8. Штомпка П. Социология социальных изменений. – М., 1996; Коган Л.Н. Зло. – Екатеринбург, 1992; Скрипник А.П. Моральное зло в истории этики и культуры. – М., 1992.

9. Павлов И.П. Лекции о работе больших полушарий головного мозга. Изд. 3. – Л.; М., 1957. – С. 306.

10. Там же. – С. 309, 312, 319.

11. Павлов И.П. Лекции по физиологии. – М.; Л., 1952. – С. 393–394.

12. Там же. – С. 400.

13. Ясперс К. Общая психопатология: Пер. с нем. – М., 1997. – С. 735–736.

14. Там же. – С. 736.

15. Там же. – С. 418–419.

16. Там же. – С. 888.

17. Там же. – С. 862–863.
  18. Сеченов И.М. Рефлексы головного мозга // Избранные произведения. В 2-х т. Т. 1. – М., 1952. – С. 33.
  19. Там же. – С. 42, 45–48, 64.
  20. Бехтерев В.М. Объективная психология. – М., 1991. – С. 94.
  21. Сикорский И.А. Опыт объективного исследования состояния чувства. – Киев, 1903.
-